

17. Катанчиев Т.М. Кабардинское обычное право и его особенности. Нальчик, 2003.
18. ЦГА КБР, ф. И-22, оп. 1, ед. хр. 628.
19. ЦГА КБР, ф. И-22, оп. 1, ед. хр. 402.
20. ЦГА КБР, ф. И-22, оп. 1, ед. хр. 272; 1531; 1943, Т. 4; 2181.
21. Хан-Гирей. Князь Пшъской Аходягоко // Хан-Гирей. Избранные произведения (Подготовка и вступительная статья к. филол. н. Р.Х. Хашхожевой). Нальчик, 1974.
22. Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913.
23. Материалы по обычному праву кабардинцев (первая половина XIX века) / Сост. и автор предисловия и комментариев В.К. Гарданов. Нальчик, 1956.
24. Думанов Х.М., Куишов Х.С. К вопросу о судостроительстве и судопроизводстве в Кабарде во второй половине XIX – начале XX в. // Культура и быт адыгов. Майкоп, 1986. Вып. 4.
25. Мусукаев А.И., Герондоков М.Х. Идеологическое и общественное единство в жизни горцев. Нальчик, 1989.
26. Бгажноков Б.Х. Адыгские клятвы // Общественные быт адыгов и балкарцев. Нальчик, 1986.
27. Думэн Хь.М. Адыгэхэм я дауэдапщэхэр этнографие терминхэм я псалъальгэ кIэщI. Налшык, 2006.
28. Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Восточного и Северного Кавказа. Одесса, 1882. Вып. 1.
29. ЦГА КБР, ф. И-24, оп. 1, ед. хр. 33.
30. ЦГА КБР, ф. И-23, оп. 1, ед. хр. 138.
31. ЦГА КБР, ф. И-24, оп. 1, ед. хр. 163.
32. ЦГА КБР, ф. И-24, оп. 1, ед. хр. 19.
33. Архив КБИГИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 5.
34. Архив КБИГИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 2.
35. Архив КБИГИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 12.

УДК 394.0 (471.632)

Абайханова П.И.

ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУТА ИСКУССТВЕННОГО РОДСТВА У НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Статья посвящена изучению специфики древнейшего института искусственного родства – аталычества у народов Северного Кавказа, в частности у карачаевцев. Особое внимание уделено истокам и становлению древнего обычая. Выявлена специфика аталыческих отношений у различных народов Северо-Кавказского региона (балкарцев, кабардинцев, осетин, ногайцев и др.), раскрыт их классовый характер.

The article is devoted to study of specific of the most ancient institute of artificial cognation – atalychestvo for the people of North Caucasus, particularly in Karachay. The special attention is spared to sources and becoming of ancient consuetude. The specific of atalycheskie relations is exposed for the different people of the North Caucasian region (balkarians, kabardians, ossetins, nogaytsi and others), their class character is exposed.

Ключевые слова: трансформация, классовый характер, князья, уздени, обычай, воспитанник, молочное родство, искусственно создаваемые родственники, генезис, институт аталычества, молочный сын, молочная дочь.

Key words: transformacya, class character, princes, uzdeni, consuetude, pupil, suckling cognation, artificially created relatives, genesis, institute of atalychestva, suckling son, suckling daughter.

Проблема искусственного родства, имевшая ее время привлекает внимание исследователей место у всех народов Северного Кавказа, в послед- различного гуманитарного направления, в част-

ности этнографов и историков. Среди различных форм древнего института искусственного родства можно выделить несколько распространенных и известных видов. Это прежде всего аталычество, происходящее из более древней формы породнения, которую в этнографической науке принято называть молочным родством (с карач. «эмчеклик» – «сосок», «грудь матери»). Обычай аталычества происходит от тюркского слова «аталык», что означает «заменяющий отца». В данной статье предпринята попытка анализа института аталычества, его эволюции и классового перерождения. Несомненно, попутно будут рассмотрены и другие формы древнейшего института, такие как побратимство и усыновление. Такой подход к изучению позволит рассмотреть все звенья, сопряженные с установлением искусственного родства с новой точки зрения.

Безусловно, основные этапы развития аталыческих отношений нашли отражение в отечественной историографии. Генезис института аталычества глубоко изучен историком права М.М. Ковалевским, который сравнивал данный обычай с коммунальным браком, корни которого уходят в глубокую древность. М.О. Косвен, детально рассмотревший институт аталычества, не поддержал теорию коммунального брака, выдвинутую М.М. Ковалевским, считая ее «крайне искусственной или даже вымышленной» [1, с. 59 – 65]. М.О. Косвен развил свою точку зрения на институт аталычества. Однако его взгляд на аталычество «как на остаток авункулокального поселения ребенка у его дяди по материнской линии» [2] выглядит недостаточно веским. Для убедительности автор расширяет географию своих наблюдений и проводит параллели между кавказскими народами и меланезийскими, африканскими и американскими племенами, что позволяет ему сделать вывод о наличии аванкулата у ряда племен названных частей света. Однако это не может являться доказательством аванкулатного происхождения аталычества. Не находит подтверждения, и предположение, выдвинутое В.К. Гардановым об институте аталычества как пережитке «первобытной общности детей», опирающееся на те же неустойчивые исходные положения, что и знакомая точка зрения о «первобытной общности жен».

Значительную ценность в изучении института аталычества представляет исследование А.М. Ладыженского, в котором автор выделяет две причины

его возникновения. Первая сводится к тому, что «в то опасное время, когда каждый горец мог ожидать помощь в случае нападения или преследования, естественно было стремление иметь влиятельных родственников в разных аулах. Аталыки и являлись такими искусственно создаваемыми родственниками» [3, с. 151 – 185]. В качестве второй причины автор приводит занятость горского феодала войной и грабежом, не имеющего возможности воспитывать своих детей сам... считалось, что вне дома они получают более суровый жизненный закал и сделаются лучшими воинами [4, с. 169]. Дальнейшее развитие исследование аталыческих отношений получило в трудах видных ученых: А.И. Перщица, Я.С. Смирновой, С.Ш. Гаджиевой и др. [5].

Материалы по истории аталычества у народов Кавказа (карачаевцев, осетин, балкарцев и др.) показывают, что нет доказательств того, что «аталычество старше эпохи разложения первобытного общества» [5]. Мы солидарны с мнением А.И. Перщица и Б. Трайде, которые уверены в том, что это – «породнение вертикального типа между лицами неравного социального статуса, устанавливавшего таким образом отношения патроната- клиентелы, а позднее сюзеренитета-вассалитета [7, с. 38 – 39].

У всех народов Северного Кавказа были широко распространены обряды детского цикла, в частности связанные с установлением искусственного родства при наречении новорожденного именем. Это действие имело огромное значение, так как было поверье о загадочной связи между именем и носящим его человеком [8].

Наречение имени обычно, заканчивалось большим семейным праздником, цель которого заключалась в укреплении новых родственных отношений с человеком, давшим имя ребенку. Праздник был веселым и многолюдным, сопровождавшимся подношением большого количества различных подарков. «Один из ближайших соседей родственников или приятелей, – отмечает Н.Ф. Дубровин, – дарил счастливому отцу корову, лошадь или овцу, смотря по состоянию, приносил хлеб, вино и другие съестные припасы и получал за то право дать имя новорожденному», становясь для него «вторым отцом» [9, с. 105]. У осетин «довольно близким родственником» семьи ребенка, – пишет Д. Лавров, – причем как при наречении имени, так и в дальнейшем между обоими семействами совершался обмен подарками [10]. Подобный обычай существовал у чеченцев

и ингушей. У ингушей, – отмечает Б. Далгат, – имя обязательно нарекал родственник [11, с. 315]. Аналогичный обычай имел место и у карачаевцев. Так, согласно данным И.М. Шаманова и В.П. Невской человек, давший ребенку имя, дарил ему лошадь и сам получал подарки [12, с. 256]. В настоящее время этот обычай сильно трансформирован, сохранив лишь обмен подарками и приглашение гостей.

В Карачае аталычество было представлено в классическом виде наряду с другими горскими народами. Первоначально воспитание своего ребенка в чужой семье в Карачае распространялось на все слои населения и не носило классового характера. В XVIII – начале XIX вв. ребенок передавался в семью аталыка на воспитание и содержание в возрасте 3 – 4 лет, где он рос до 15 лет, иногда до 17 лет. В XIX в. аталычество у карачаевцев приобрело резко выраженный классовый характер и стало довольно распространенным явлением, но всегда «связанным с вассальными отношениями феодального общества» [13, с. 75 – 86].

Указанными чертами своеобразный классовый характер аталычества не исчерпывается. Институт аталычества вполне специфичен и достаточно многогранен. Одну из важнейших граней данного порядка составляет общее правило, согласно которому князья отдавали своих детей в семьи зависимых сословий. Это означает, что аталычество как всеобщее явление изжило себя и продолжало держаться преимущественно в княжеских семьях. У карачаевцев на воспитание отдавались исключительно дети княжеских сословий и всегда в семье узденей.

Наиболее ярко специфика древнего института отражена в работе М.Д. Боташева «Установление искусственного родства при обрядах детского цикла у карачаевцев» [14, с. 137 – 193]. Аталычество в Карачае, – пишет автор, – «являлось институтом высших сословий, а по отношению к князьям носило обязательный характер, даже в пореформенное время, в период отмирания этого обычая воспитание у аталыка продолжало считаться более престижным. Аталычество способствовало сохранению политической стабильности в феодальном Карачае, укрепляя его внутренние социальные (прежде всего экономические и политические) связи и сословную инфраструктуру, а также развивая международные связи и внешнеполитические отношения» [15, с. 193].

О широком распространении обычая, связанного с воспитанием княжеских детей представителями со-

словия узденей упоминает Г. Петров. Он пишет, что «уздени воспитывали детей старшин, выезжали или подъяривали для них лошадей, сопровождали их в пути, делали с ними набеги на соседей и защищались при неприятельских вторжениях» [16, с. 123 – 155].

Материалы об аталычестве свидетельствуют о том, что передача ребенка в чужую семью – была добровольным актом, так как о протесте со стороны родителей в исследованиях не упоминается. Наоборот, есть случаи, когда «вскоре после рождения ребенка у князя или дворянина являлись многие желающие взять на воспитание новорожденного. И чем «значительнее» был отец, тем больше таких желающих являлось» [17, с. 59 – 65]. И это неудивительно, так как воспитание детей биев (князей) считалось делом весьма престижным и выгодным. Аталык получал дорогие подарки, а самое главное дарилась земля, которая в Карачае считалась самым ценным даром. Земельные участки, выделенные аталыку за воспитание ребенка, назывались «эмчек джер» (земля за кормление грудью или молоком). Но здесь имеется и другая сторона. Аталык, получая землю, становился вассалом княжеской семьи и «вместе с землями, полученными за воспитание ребенка, получал и вассальные обязанности. Он должен был сопровождать и охранять своего сюзерена, защищать его интересы и под видом добровольной помощи нести ряд повинностей, которые заключались как в приношениях, так и в обработке земли. Повинности несла вся семья аталыка: жена и дети его» [18, с. 211].

Аталычество в большей степени было целенаправленным. «Желающих принять на воспитание княжеское дитя было очень много... некоторые из них собирались возле дома, где ожидалось рождение ребенка, в надежде, что князь выберет кого-нибудь из них аталыком своему ребенку, но спорить между собой и требовать передать ребенка именно ему никто не осмеливался, так как князья сами выбирали аталыков и заранее обо всем с ними договаривались», – рассказывает Х. Акачиева, 84 летняя уроженка древнего карачаевского селения Къарт-Джурт [19, с. 165].

В отличие от других народов Северного Кавказа (балкарцев, черкесов, народов Дагестана) в Карачае значительное развитие получило «мужское» аталычество. Девочки у карачаевцев воспитывались исключительно дома. Их воспитание возлагалось

на кормилиц (сют ана), в роли которых выступали жены служилых узденей (с карач. сарайым ездэн).

В Карачае аталыка называли «эмчек ата» – молочный отец. Зачастую к аталыку княжеская семья присматривалась задолго до рождения ребенка. После рождения ребенка отдавали буквально через несколько дней в другую семью, но предпочитали те семьи, в которых жены узденей имели грудных детей. Семья узденя растила ребенка в теплой и душевной обстановке, как родного сына или дочь. Ребенок был окружен вниманием и заботой. «Эмчек ана» – молочная мать или аталычка баловала и холила своего воспитанника. Мальчика, которого воспитывал аталык, называли «эмчек улан» (молочный мальчик), девочку называли «эмчек кыз» (молочная девочка).

По карачаевским обычаям князь был обязан давать защиту и помогать своему воспитателю [20].

Сословно-правовые отношения у различных народов Северного Кавказа наложили свой отпечаток на институт аталычества. К примеру, карачаевские князья (бии) и подкняжичи (чанка) отдавали детей исключительно узденям первой степени (сырма ездэн – «золотые» уздени; сыйлы ездэн – почетные уздени; уллу ездэн – большие уздени), которых в некотором смысле считали равными или хотя бы приближенными к себе по статусу. Уздени второй степени (тюз ездэн – простые уздени, керти ездэн – настоящие, истинные уздени) редко получали на воспитание княжеских детей.

Об институте аталычества у адыгов Хан-Гирей пишет: «Причиной введения в обиход такого рода воспитания было, кажется, следующее: князья издавна, для увеличения своей силы, искали всех возможных средств привязать себе дворян, а дворяне для всегдашней защиты и вспомоществования себе во всех случаях всегда желали более сблизиться с князьями: бедные всегда и везде нуждаются в помощи богатых, а слабые – в покровительстве сильных, могущество коих увеличивается обширностью влияния их на других. Для обоюдного сближения оказалось вернейшим средством воспитание детей, которое, связывая два семейства, в некотором смысле, кровным родством, приносит обоюдные выгоды...» [21, с. 281]. Нетрудно заметить, что постоянные феодальные междоусобицы вынуждали князей расширять круг своих союзников. Большим подспорьем в этом направлении являлся институт

аталычества, обеспечивавший их влиятельными представителями адыгского дворянства.

Общеизвестно, что горские князья имели право вступать в аталыческие связи между собой. Так, карачаевские князья «детей своих не воспитывали дома, а отдавали их на воспитание или своим уллу – узденям, или в другие племена, преимущественно в Урусбий и Цебельду» (горное общество Абхазии), – пишет Р.Т. Хатуев [22, с. 174 – 178]. По карачаевским адатам вступить в межэтнические аталыческие отношения было не просто, так как требовалось особое согласие верховного князя, распространявшееся на княжеское сословие.

Почему и зачем проводили такую политику карачаевские князья, поясняет исследователь М.Д. Боташев. Несмотря на широкие аталыческие связи карачаевских княжеских родов, – пишет автор, – «с высшими сословиями других народов, правящие верхи карачаевцев, будучи не заинтересованы в переориентации подвластных им узденей на кабардинских, сванских и др. князей и, следовательно, ослаблении своего влияния, обладая правом утверждения новых положений адата, узаконили запрет на межэтнические аталыческие связи для узденей всех степеней [23, с. 157]». Своих малолетних детей направляли в Карачай кабардинцы, абазины, сваны и представители других горских народов. Одновременно существовала обратная связь, куда карачаевская знать посылала детей на воспитание.

Особо теплые аталыческие отношения сложились между карачаевскими и сванскими князьями Отаровыми (Дадешкилиани), которые являлись аталыками детей князей Дудовых и Урусбиевых [24, с. 227 – 272]. Прочные аталыческие связи соединили многие карачаевские семьи с абазинскими и кабардинскими князьями.

По данным Н.П. Тульчинского, у абазинских князей Бибертовых воспитывался сын карачаевского князя Бекмурзы Крымшамхалова Камгутбий. В аталыческом родстве находился также Каншаубий Крымшамхалов, который сперва воспитывался кабардинским князем Гюргокби Атажукиным, а затем сам стал аталыком этой семьи [25, с. 249].

В семье кабардинского князя Атажукина воспитывался Крым-Герий Алиев, впоследствии ставший кавалером Георгиевского креста. Кабардинский князь Джамбулат Атажукин был молочным сыном карачаевских узденей Чотчаевых из селения Учкулан. Став взрослым, Джамбулат Атажукин не поки-

нул Карачай, здесь же женился на княжне Хань из «ханского рода» [26, с. 160]. Аталыком абазинского узденя Арчила Трабова являлся карачаевец по имени Хустос. Его считают родоначальником кяума (рода) узденских фамилий (предком Алботовых, Бостановых, Хосуевых). В свою очередь Арчил Трабова был аталыком Къоркъмаза – родоначальника фамилии Коркмазовых [27].

На воспитание в карачаевские семьи отдавались и девочки. Так, дочь одного из кабардинских князей Атажукиных воспитывалась карачаевским узденем Тогузаком Алиевым [28]. Аналогичные случаи имели место в княжеских родах Дагестана, где на воспитание в другую семью передавались девочки только из княжеских сословий. Передача на воспитание в чужие семьи девочек других сословий не практиковалась. Обязанности по воспитанию княжеских дочерей возлагались на жен аталыков. Маленькую княжну воспитывали в духе горских этических традиций, в почитании старших и послушании в семье. Наряду с этим жена аталыка обучала ее шитью золотом и серебром. Важной деталью в процессе воспитания девочек высших сословий являлась забота о физической красоте и стройности стана будущей княгини.

Об этом С. Броневский писал: «Для сбережения стройности стана девицу княжеского или дворянского рода на десятом году возраста, а иногда и прежде обтягивают от бедер до груди сырою кожею и зашивают оную плотно к телу. В таком положении девица остается до первой брачной ночи, в которую жених разрезывает шнуровку сию кинжалом» [29].

Общественный институт аталычества, бытовал у всех народов Северного Кавказа. Согласно этнографическим данным, у кубанских ногайцев существовали две формы аталычества. Первая форма была аналогична институту аталычества, которая была присуща горским народам Кавказа. Она заключалась в том, что «ребенка после появления на свет или через неделю передавали на воспитание в другую семью в XVIII – XIX вв. эта форма аталычества широкого распространения не имела и практиковалась лишь в феодальной среде» [30, с. 16]. Ногайские мурзы, как и горские князья, предпочитали отдавать детей обеспеченным, с хорошей репутацией семьям первостепенных узденей мурза выбирал среди претендентов того, кто сможет оказать наибольшее влияние на общество иногда отдавали в семьи освобожденных крестьян. Аталыками

могли быть и представители соседних народов, в частности черкесы и кумыки.

В конце XIX в. у султана Азамат Гирея Ханова аталыком была черкесская семья Дышековых из Докшукинского аула. «Многие знатные фамилии закубанских племен, – писал А. Берже – отдают ногайцам на воспитание детей» [31]. Аталыками княжеских и салауздских детей кумыков Терско-Сулакской низменности зачастую являлись ногайцы.

Второй вид аталычества, который имел место у ногайцев, не был распространен у других народов и не был связан с кормлением грудью, ребенка в этом случае не передавали на воспитание в чужую семью. Аталыка выбирал себе сам молодой человек или же, наоборот, аталык выбирал себе юношу. Для обеих форм аталычества у ногайцев характерно отсутствие классового характера, потому что они завязывались в основном между богатыми и бедными, но никак не в среде равных.

Важно отметить, что адат запрещал браки между семьями, скрепленными узами аталычества. В случае смерти кого-либо из членов семей, связанных аталыческими отношениями, вся родня соблюдала траур.

Не допускались семейно-брачные отношения и по мусульманскому праву. С внедрением ислама в Карачае значимость молочного родства еще больше выросла. Уравнивая молочных родственников с кровной родней, Коран предупреждает: «И запрещены вам /для брачных связей / ваши матери, и ваши дочери, и ваши сестры, и ваши тетки по отцу и матери, и дочери брата, и дочери сестры, и ваши матери /молочные/, которые вас вскормили, и ваши сестры по кормлению» (4:27). Как известно, все запреты, указанные в области брачных отношений, в карачаевском обществе всегда неукоснительно учитывались как по адату, так и по шариату.

С середины XIX в. аталыческие отношения несколько изменились. С этого времени воспитанник мог оставаться в доме у аталыка только на несколько лет. Значительно сократились и функциональные обязанности аталыка, которые ограничивались кормлением ребенка его женой. В таком урезанном виде институт аталычества значительно деформировался и потерял свое социальное предназначение. Просуществовал он до 1917 г., пока коренные преобразования в социально-экономической жизни карачаевцев не привели к полной ликвидации этого

феодализованного родового института, его социальных корней.

Суть института аталычества в целом сводилась к установлению искусственного родства между аталыком (воспитателем) и воспитанником, а также всеми его родственниками. Согласно адатам установившееся молочное родство считалось очень тесным, почти кровным. Классическая форма аталычества предполагала, что ребенок передавался в чужую семью сразу после рождения и возвращался домой в возрасте от 15 до 17 лет, по некоторым данным – ко времени женитьбы.

В заключение отметим ряд аспектов, которые включал в себя процесс установления аталыческих отношений:

– социальный аспект (сословный, классовый); в Карачае, и в других горских обществах аталычество являлось институтом высших сословий, поэтому для лиц, занимавших более низкую социальную ступень, вступать в родство с состоятельными людьми было в экономическом отношении выгодно. Став воспитателем ханского или княжеского сына средний уздень у кумыков мог подняться на следующую ступень во внутрисословной иерархии», – пишет С.Ш. Гаджиева [32, с. 17].

– политический аспект (княжеские сословия передавали ребенка на воспитание соседним народам, закрепляя тем самым феодальные союзы). По этому вопросу А.М. Буцковский писал: «Сей общий по всему Кавказу обычай отдавать сыновей в чужие руки к отдаленнейшим народам основан на весьма важной для них политике ибо как народы сии, так и частные люди, будучи в беспрестанных междуусобицах, часто имеют нужду в помощи и отдаленных соседей своих» [33, с. 118];

– дипломатический аспект (заключались династические браки, являвшиеся инструментом международной дипломатии. К примеру, чтобы расширить и укрепить свои позиции на Кавказе, широко приветствовали институт аталычества крымские ханы. В этой связи они стремились отдать своих детей на воспитание ногайским мурзам (С.Ш. Гаджиева) [34], черкесским пши (В.Х. Кажаров) [35, с. 393 – 397], карачаевским биям и узденям (Р.Т. Хатиев) [36, с. 174– 178].

Суммируя основные черты аталыческих отношений, следует отметить, что на аталыка и его детей распространялись все права и ограничения, присущие кровным родственникам. В целом ата-

лык имел право выбрать себе воспитанника, (отца воспитанника – князя), участвовать в судьбе своего воспитанника (воспитанницы), при выборе жениха (невесты), на подарки во время свадьбы, подняться на более высокую социальную ступень.

В свою очередь аталык был обязан заменить отца в вопросах воспитания своего подопечного, научить воспитанника соблюдать существующие в обществе нормы поведения, привить нормы горского этикета, привить уважение к вероисповеданию, к традициям и обычаям, существующим в этом обществе, обучить воспитанника военному искусству, сопровождать и охранять своего князя, защищать его интересы, нести повинности в пользу князя.

Таким образом, аталычество, как и любой другой общественный институт представляло собой сложное социальное явление, распространению которого способствовали патриархально-феодальные отношения. Это была определенная система правовых и моральных установок, которые были «детерминированы в конечном счете характером социально-экономических отношений» [37].

Литература

1. Косвен М.О. Аталычество // Советская этнография. 1935. № 2.
2. Дзуцев Х.В. Эволюция осетинской семьи и межсемейных отношений. Этносоциологический анализ. М., 2001.
3. Ладыженский А.М. Очерки социальной эмбриологии (внутриродовое и междуродовое право) // Записки Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института. Ростов-на-Дону, 1928.
4. Там же.
5. Периш А.И. Этнография как источник первобытнообщинных реконструкций // Этнография как источник реконструкций первобытного общества. М., 1979.; Смирнова Я.С. Аталычество и усыновление у абхазов // СЭ.1951. № 2.; Гаджиева С.Ш. Аталычество и поборатство в Дагестане XVIII – нач. XX в. Махачкала, 1995.
6. Периш А.И. Первобытность и классовое общество // История первобытного общества. Эпоха классового образования. М., 1984.
7. Периш А.И., Трайде Б. Воспитательство // Свод этнографических понятий и терминов / Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986.

8. Чурсин Г.Ф. Магическое значение имени у кавказских народов // Бюлл. КИАИ. 1928. № 4.
9. Дубровин Н. Черкесы (адыге). Краснодар, 1927.
10. Лавров Д. Заметки об Осетии и осетинах // Терские ведомости. Владикавказ. 1875. № 9.
11. Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей // ИИНИИК. 1930. Вып. 2 – 3.
12. Шаманов И.М., Невская В.П. Семья и семейный быт // Карачаевцы. Черкесск, 1978.
13. Невская В.П. Пережитки родовой общины и семейная община карачаевцев в XIX веке // Из истории Карачаево-Черкесии. Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Вып. IV. Серия историческая. Ставрополь, 1970.
14. Боташев М.Д. Установление искусственного родства при обрядах детского цикла у карачаевцев // Карачаевцы и балкарцы: язык, этнография, археология, фольклор. М., 2001. Институт этнологии и антропологии РАН.
15. Там же. С. 153.
16. Петров Г. Верховья Кубани – Карачай. Памятная книжка Кубанской области за 1880 год. Екатеринодар, 1881.
17. Косвен М.О. Аталычество // Советская этнография. 1935. № 2.
18. Невская В.П. Пережитки родовой общины.
19. Полевой материал. 1998 г. Акачиева Халимат. 1914 г. г. Карачаевск. Цит. по: Боташев М.Д. Установление искусственного родства при обрядах детского цикла у карачаевцев // Карачаевцы и балкарцы: язык, этнография, археология, фольклор. М., 2001. Институт этнологии и антропологии РАН.
20. Битова Е.Г. Социальная история Балкарии XIX века: Сельская община. Нальчик, 1977.
21. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978.
22. Хатуев Р.Т. Шариатская реформа // Карачай с древнейших времен до 1917 года. Черкесск, 2009.
23. Боташев М.Д. Указ. соч.
24. Шаманов И.М., Невская В.П. Указ. соч.
25. Тульчинский Н.П. Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа Терской области // Терский сборник. Владикавказ. 1904. Вып. V.
26. Хатуев Р.Т. Шариатская реформа.
27. Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания.
28. Невская В.П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в. Дореформенный период. Черкесск. 1960.
29. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823.
30. Гаджиева С.Ш. Указ. соч.
31. Берже А. Татарское племя на Кавказе // газета «Кавказ». 1859. № 89.
32. Гаджиева С.Ш. Указ. соч.
33. Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних областей // История, география и этнография Дагестана XVII – XIX вв. М., 1958.
34. Там же.
35. Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в начале XVIII – XIX в. Нальчик, 1994.
36. Хатуев Р.Т. Шариатская реформа.
37. Косвен М.О. Аталычество // Этнография и история Кавказа. М., 1961.

УДК 947(471.6)

Абайханова П.И.

СИСТЕМА АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В КАРАЧАЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX В.

В статье представлен результат исследования интеграции Северо-Кавказского региона, в частности Карачая, в состав Российской империи в последней трети XIX в. Автор показывает жизнь горских народов в период установления гражданской администрации и казачьих отделов.

The result of research of integration of the North Caucasian region is presented in the article, including Karachay in the complement of the Russian empire in the second half of XIX – beginning of XX cc. During research an author exposes life of mountainous people in the period of civil administration and cossack departments.